

*А.В. Лазарева**

БОРЬБА НЕМЕЦКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОГО ВЛИЯНИЯ (1635–1648)

В XVII столетии немецкие территориальные княжества Священной Римской империи испытали сильное влияние Тридцатилетней войны (1618–1648). Оно особенно отразилось на развитии немецкой национальной идеи, поскольку в годы войны немцы столкнулись с многочисленными чужестранцами – испанцами, датчанами, шведами, пришедшими в Германию в составе иностранных армий. Однако наибольшее значение для становления национальных представлений немцев имел их контакт с французами. Несмотря на то что французское вторжение началось лишь в конце войны, немецкая публицистика обвиняла именно Францию в разжигании розни, и с 1635 г. на страницах немецких изданий появился враждебный образ француза, уничтожавшего немецкие традиции, культуру и моральные ценности. В противопоставлении «своего» и «чужого» на фоне французской оккупации областей в Южной, Центральной и Восточной Германии рождались стереотипы, которые будут характерны для немецкой национальной мысли на протяжении нескольких последующих веков.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, мода, родной язык, образ врага, национализм

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-60-77

Взаимоотношения немцев и французов уже давно стали хрестоматийным сюжетом историографии¹. В большинстве работ на первое место выходит проблема их многовековой «наследственной вражды», берущей свое начало в эпохе раннего Нового времени. Однако в немецких землях «наследственная вражда» превратилась

* *Арина Владимировна Лазарева, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.*

¹ Обширная библиография по этой теме собрана в *Schillinger J. Les pamphléaires allemands et la France de Louis XIV. Berne, 1999.* См. также: *Jeismann M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart 1992; Bosbach F. Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV // Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln u. a., 1992; Schillinger J. Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des 17. Jahrhunderts // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Basel, 2002; Hagemann K. Aus Liebe zum Vaterland. Liebe und Hass im frühen deutschen Nationalismus: Franzosenhass // Gefühl und Kalkül. Der Einfluss von Emotionen auf die Politik des 19. und 20. Jahrhunderts. Stuttgart, 2005.*

в своеобразную константу международных отношений во многом благодаря публицистике. Ключевую роль здесь сыграла Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., последний этап которой прочно вошел в историографию под названием «франко-шведский»².

Финальный этап войны заметно отличался от начального. Вмешательство Испании, Дании, Швеции, руководствовавшихся в своих действиях традиционными для той эпохи мотивами, в первую очередь религиозными и династическими, по крайней мере, казалось понятным и объяснимым. Однако начало открытого вторжения в немецкие княжества Франции нарушило привычные представления о «справедливой» войне³: «христианнейший» король, связанный с Габсбургами династическим союзом, воевал против императора-католика на стороне протестантов.

Эта непривычная ситуация заставила немецких публицистов второй четверти XVII в. найти действиям французов собственное объяснение. В политике Ришелье и Людовика XIII они увидели отражение многовековой ненависти Франции к «немецкой свободе» и стремление уничтожить всю «Германию», выступавшую в их сочинениях как единое целое. В 1635–1648 гг. французские войска под командованием известных военачальников – Жана-Батиста Гебриана, герцога Генриха II де Лонгвиля, виконта Анри де Тюренна, принца Луи II де Конде – дошли до Центральной и Восточной Германии, а немецкий юг стал местом постоянных контактов с французами, стоявших здесь на зимних квартирах. Последним громким событием войны стала оккупация войсками принца Конде Мюнхена в 1648 г. Вторжение французских войск в пределы Священной Римской империи было воспринято немецкой интеллектуальной элитой как национальная катастрофа. С этого момента Тридцатилетняя война приобрела характер тотальной войны, которая шла не только на поле боя, но продолжалась в умах тех, кого интеллектуалы называли «истинными немцами».

Немецкие интеллектуалы развернули антифранцузскую пропаганду в публицистике, к которой относились в то время, помимо

² Поринев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1972. С. 117; ср.: *Reppen K. Über die Geschichtsschreibung des Dreissigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Krieg und Politik 1618-1648. München, 1988. S. 3-34.*

³ О понятии «справедливой войны» в немецкой публицистике раннего Нового времени см.: *Janssen W. Krieg // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 3. Stuttgart 1972–1997. S. 568 etc.; Лазарева А.В. «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) в немецкой публицистике XVII века // Исторические Исследования. Журнал Ист. ф-та МГУ. М., 2014. № 1. С. 44.*

памфлетов и трактатов, также проповеди, календари⁴, альманахи и, главное, иллюстрированные листовки⁵. Благодаря тому что последние содержали не только текст, но и изображение, расположенное в верхней части листа, они стали одним из самых популярных жанров публицистики в Германии того времени: их покупали уже только из-за гравюры, которую часто использовали как украшение в интерьере⁶. Именно листовки в наибольшей степени выражали непосредственный отклик на события.

По мнению немецкого историка В. Штайна, немецких публицистов начала Тридцатилетней войны французская проблематика интересовала мало⁷. Анализируя в основном иллюстрированные листовки, он обнаружил за 1618–1635 гг. лишь шесть упоминаний о Франции, причем все они были лишь косвенными: она присутствовала, как правило, только на иллюстрации, чаще в аллегорическом образе петуха, который золотом поддерживал смуту в Империи⁸. Иллюстрированных листовок времен Тридцатилетней войны сохранились тысячи, поэтому не удивительно, что Штайн, несмотря на внимательный анализ материалов немецких архивов, пропустил листовку 1631 г., на которой, вероятно, появился один из первых сатирических образов Франции⁹. Это издание называется «Яростный французский портной» и относится к группе листовок, посвященных уничтожению Магдебурга. На иллюстрации изображен имперский военачальник И. фон Тилли (слева), который ведет диалог с «французским портным», внешне отдаленно

⁴ Специфический вид публицистических изданий, как правило многостраничных и часто иллюстрированных, в которых содержались разнообразные сведения, от повседневных советов по хозяйству и астрологических предсказаний до анализа текущей политической ситуации. Подробнее см.: *Würgler A. Medien in der Frühen Neuzeit*. München, 2013. S. 72.

⁵ О немецких иллюстрированных листовках см., например: *Harms W., Schilling M. Das illustrierte Flugblatt in der Kultur der Neuzeit*. Frankfurt am Main u.a., 1998; *Alexander D. The German Single-Leaf Woodcut, 1600-1700*. N.-Y., 1977; *Schillinger J. Les pamphlétaires allemands*; *Лазарева А.В. Немецкие иллюстрированные листовки Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.): Образ солдата-наемника // Источниковедческие исследования*. 2006. № 3. С. 82-113.

⁶ *Schilling M. Allegorie und Satire auf illustrierten Flugblättern des Barock // Formen und Funktionen der Allegorie*. Stuttgart, 1979. S. 406.

⁷ *Stein W.H. Richelieu unter den Komödianten. Zur Darstellung Frankreichs in der deutschen Flugblattliteratur des Dreißigjährigen Krieges // Deutschland und Frankreich in der frühen Neuzeit*. München, 1987. S. 265.

⁸ *Stein W.H. Op. cit. S. 266-268. Ср. с Schwedische Rettung der Christlichen Kirchen. 1631. Bayerische Staatsbibliothek München (далее – BSB). Einbl. V,8 a-38. URL: <http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0010/bsb00100267/images/> (дата обращения 02.02.2018).*

⁹ *Der zornige Französische Schneider. 1631. BSB. Einbl.V,8 a-39. URL: http://daten.digital-sammlungen.de/bsb00100266/image_1 (дата обращения 02.02.2018).*

напоминающим Ришелье, и его подмастерьем. Политика Тилли, «силой взявшего Магдебург себе в невесты»¹⁰, вызвала гнев портного, который угрожает генералу и всей империи: «Однажды вся ваша слава исчезнет. Я сам решу, какой должна быть длина, а какой ширина. Я хочу сшить для вас саван»¹¹.

Ситуация изменилась в 1635 г., после заключения союза между Францией, Швецией и немецким Гессен-Касселем. Несмотря на то что продвижение французских войск вглубь немецких княжеств в 1635–1638 гг. было крайне медленным, именно их немецкие авторы обвинили в новом витке войны. То, что сами немецкие князья подтолкнули французов к активным военным действиям, в публицистике не обсуждалось. Авторы высоко отзывались о Пражском мире 1635 г., заключенном между императором Фердинандом II и саксонским курфюрстом Иоганном Георгом I и, как считали они, урегулировавшем религиозные противоречия в Империи¹². Формулировки первых параграфов этого договора стали лейтмотивом немецкой публицистики: мир заключен «для блага и чести немецкой нации, <...> к утешению и спасению страны и людей»¹³.

В договоре было еще одно важное для немецких публицистов положение. Согласно ему, мир необходим Империи для того, чтобы изгнать «все еще находящиеся на имперской земле чужеземные нации»¹⁴. Тем не менее «Французская корона и после заключения в Империи религиозного мира постоянно подливает масла в огонь», – с горечью отмечалось в памфлетах¹⁵. Публицисты

¹⁰ Der zornige Frantzösische Schneider.

¹¹ Ibid.

¹² Пражский мир предусматривал отмену Реституционного эдикта 1629 г. и урегулирование религиозных вопросов путем возвращения status quo и принципов Аугсбургского мира 1655 г. На самом деле Пражский мир был, по точному замечанию К. Кампманна, «провокацией»: император и саксонский курфюрст заключили договор, касавшийся всей Империи, не учитывая мнения сословий, что нарушало традиции имперского консенсуса. – См.: *Kampmann Ch. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts.* Frankfurt am Main, 2008. S. 114. Однако для немецких публицистов и католического, и протестантского толка это соглашение знаменовало окончание войны и наступление долгожданного мира.

¹³ Friedensvertrag zwischen dem Kaiser (Ferdinand II.) und Kursachsen (Johann Georg I.); Prag, 20./30. Mai 1635 // *Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung.* Band 4. Stuttgart, 1996. S. 343. Ср. с *Der Teutschen Planet.* 1639. S. 11, 13 // *Flugschriftensammlung Gustav Freytag* (далее – FGF). № 5638.; *Trewhertzige und wolgemeinte Ermahnung.* 1639 // FGF. № 5645. S. 16.

¹⁴ Friedensvertrag. S. 343.

¹⁵ *Trewhertzige und wolgemeinte Ermahnung.* S. 16.

составляли своеобразные диалоги, в которых обвиняли Францию в продолжении «Немецкой» войны, например, диалог между некими Эрнстом Германом и Венделином Францмэнляйном. Имена говорящие: Францмэнляйн (Franzmänlein) отстаивает право французов на вторжение в германские земли, Герман (German), напротив, выступает защитником всего немецкого. Так, он заявляет: «Можно ли как-то оправдать французские войска в Германии, которые в высшей степени вредят ей? Нет! Разве Германию как-то касаются споры между Францией и Испанией? Французские короли уже пытались 100 лет назад склонить немецкие сословия на свою сторону. Но истинные немцы договорились, что они никогда не будут заключать союзов, которые вредят империи»¹⁶.

В 1638 г. французские войска под командованием Бернгарда Саксен-Веймарского и маршала Гебриана дошли до Штуттгарта, заняли территорию между Рейном и Майном, изгнали имперские войска из Майнца и захватили стратегически важный пункт – крепость Брайзах недалеко от Фрайбурга (Баден). В 1639 г. началось вторжение французской армии под командованием герцога де Лонгвиля, который перешел Рейн южнее Вормса и готовился войти в Пфальц¹⁷. С этого времени популярным мотивом у публицистов стали территориальные претензии французов. «У французов отличный аппетит: вначале они съели герцогство Бургундское, теперь Лотарингию, а еще разинули пасть на Эльзас», – рассуждал анонимный автор в 1639 г.¹⁸ Немцы обратились к одному из самых излюбленных в сатирической литературе того времени образов – образу лекаря: «Герцог де Лонгвиль, словно искусный Medicus, отрезает куски от больного тела. Чтоб не было больно, он заговаривает нам зубы красивыми речами»¹⁹. Сатира в публицистике XVII в. часто использовалась для того, чтобы выразить негодование, разочарование и презрение автора²⁰.

К 1640 г. французские армии дошли до Центральной Германии, захватив несколько крепостей в союзном Франции Гессене. Это

¹⁶ Der Teutschen Planet. S. 28-29, 34.

¹⁷ Niklaus S. Der Frühjahrsfeldzug 1645 in Süddeutschland. // Jahrbuch für Württembergisch-Franken. N 60. 1976. S. 125.

¹⁸ Abdruck Schreibens von einem fürnemen Officier under der von Hertzog Bernhard Sachsen-Weimar hinderlaßnen Armee, wegen Einnemmung frantzösischer Guarnison in Breysach an einen vertrauten Brudern abgangen. 1639 // FGF. № 5641.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Schilling M. Bildpublizistik der frühen Neuzeit. Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Berlin, 2012. S. 421.

стало для немецких интеллектуалов убедительным доказательством того, что французы считают врагами всех немцев, а потому необходимо единство немецких княжеств перед лицом вражеского вторжения. С оккупацией в том же году французами Брауншвейга они, по мнению немецких публицистов, превратили «королеву (т.е. Империю. – *А.Л.*) в батрачку»²¹, «разорили Империю, лишив ее всей красоты»²².

Общение с оккупантами, на которое немцы были обречены в то время, привело к появлению в публицистике образа врага-француза, виновного во всех немецких невзгодах и обладающего комплексом самых негативных моральных качеств, возведенных в ранг «национальных» особенностей. Остальные же враги немцев, такие как испанцы или шведы, в то время отошли для публицистов в тень. При этом образ француза заметно отличался от образов испанца или шведа²³. Французов не упрекали в «дикости» или «варварстве», не приписывали им чрезмерную жестокость. Главным обвинением, которое им предъявляли, была «порочность» в разных ее проявлениях: «французам по их природе свойственны жадность, хвастовство и ложь, они ни в религиозных, ни в светских делах не могут быть постоянными или честными»²⁴. Французы, по широко распространенному мнению, несли на себе «печать порока римлян»²⁵. С их приходом «из всех разверстых врат к нам (в Германию. – *А.Л.*) хлынули порок, распутство и разврат»²⁶.

Порицая французов, немецкие публицисты противопоставляли их своим соотечественникам: «Мы, немцы, боролись гранатами, а французы – дукатами, мы военным искусством, они придворными манерами, мы рыли окопы, они только пьянствовали, мы использовали пики, они грязь, мы – кровь, они – подкуп. Немецкую искренность нельзя сравнивать с французской ложью»²⁷. В этом нелестном для французов сравнении отчетливо отразилось одно из главных последствий межкультурной коммуникации немцев и

²¹ Der Teutschen Planet. S. 7.

²² Ibid.

²³ О шведах и испанцах в немецкой публицистике см.: *Pfeffer M.* Flugschriften zum Dreißigjährigen Krieg. Frankfurt am Main u.a., 1993; *Tschopp S.S.* Heilsgeschichtliche Deutungsmuster in der Publizistik des Dreißigjährigen Krieges: pro- und antischwedische Propaganda in Deutschland 1628 bis 1635. Frankfurt am Main u.a., 1991.

²⁴ Trewhertzige und wolgemeinte Ermahnung. S. 3.

²⁵ *Klaj J.* Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1645. S. 27.

²⁶ *Онуц М.* Жалоба // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 192.

²⁷ Abtruck Schreibens...

французов в годы Тридцатилетней войны: через деление на «своих» и «чужих», ставшее результатом оккупации французскими войсками германских княжеств, немецкие публицисты и интеллектуалы пришли к осознанию собственной национальной самобытности и сформулировали основополагающие для становления немецкой национальной идеи принципы.

Больше всего во французском вторжении немецких интеллектуалов пугала опасность культурного порабощения «возлюбленного Отечества германской нации». «Война хочет сделать из Германии часть Франции», – такова одна из главных идей известного публициста XVII в. Фридриха Логау, поддержанная интеллектуалами в годы Тридцатилетней войны²⁸. Немецкая публицистика обвиняла французов в целенаправленном разрушении немецких культурных традиций, ведущем к потере немецкой самобытности. С каждым годом продолжавшейся французской оккупации немецких земель все чаще со страниц памфлетов и листовок звучали жалобы на культурное порабощение немцев французами. «Уже все соседние страны страдают от их (французских. – А.Л.) оков, с помощью которых они принуждают к повиновению. А Римская империя для них всегда была бельмом на глазу», – с негодованием писали памфлетисты²⁹. Культурное рабство немецкие интеллектуалы считали гораздо большим позором, чем любые военные поражения.

Тревоги немецких интеллектуалов были связаны и с глобальным культурным поворотом Европы в сторону Франции³⁰. Новые культурные веяния проявились прежде всего в сфере моды. Если до первой четверти XVII в. главным законодателем мод в Европе считался Мадрид, то в эпоху Тридцатилетней войны стал отчетливо заметен переход от жесткой накрахмаленной испанской одежды к легкому и свободному французскому платью, более удобному для ношения³¹. Вслед за одеждой все большую популярность приобретал французский язык. Наравне с латынью и итальянским, он считался языком поэзии, что обеспечивало ему лидерство в придворных обществах и за пределами Франции³². Уже ставшее при-

²⁸ *Logau F.* Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw, 1654. S. 118.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Graul U.* Frau Hoeffart & Monsieur Alamode: Modekritik auf illustrierten Flugblättern des 16. und 17. Jh. Halle, 1998. S. 4.

³¹ *Ibid.* Ср.: *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. В 4-х томах. СПб., 2001. Т. 2. С. 262-263.

³² *Langer H.* Hortus bellicus. Der Dreissigjährige Krieg. Eine Kulturgeschichte. Leipzig, 1982. S. 219. Ср.: *Garber K.* Zur Konstruktion der europäischen Nationalliteraturen.

вычным к 1630-м гг. увлечение немецкой знати и даже части бюргерства всем французским стало совершенно иначе восприниматься интеллектуалами с появлением французских армий в немецких землях.

Борьба с французской модой – одно из важнейших направлений той моральной войны против Франции, которую начали немецкие публицисты на рубеже 1630–1640-х гг. Современники прозвали поклонников всего французского «господа à la mode (a La Modo Monsiers)»³³, что дало название и тому специфическому типу культурного развития немецких княжеств первой половины и середины XVII в., который вошел в историю под названием «алямоdstво»³⁴. «À la mode» по-французски означает «соответствующий моде»³⁵. В Германии же термин «à la mode» получил презрительные коннотации и ассоциировался с низкопоклонничеством перед всем иностранным, прежде всего французским, со слепым преклонением перед иностранной модой, нравами и обычаями³⁶. В начале 1640-х гг. борьба против чужеземной моды разгорелась с новой силой, и во многом это было связано с французским вторжением в германские государства. К 1642 г. французы хозяйничали уже не только в Центральной, но и в Восточной Германии, продвигаясь по Саксонии на помощь шведам.

«Слуги носят одежду своих господ / Может ли такое быть, чтобы Франция была господином, а Германия – прислугой? Свободная Германия, стыдись этого оскорбительного рабства!» – с такой эпиграммой обрушился на моду Логау³⁷. Известный поэт первой половины XVII в. Ганс Абшац писал:

Немецкий дух подпал под гнет нововведений.
Мы наряжаемся, мы ходим, пьем, едим,
Фехтуем, странствуем, поем и говорим
На чужеземный лад... Взыскуешь восхвалений?

Implikationen und Perspektiven // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit. Tübingen, 1989. S. 14-15.

³³ A La Modo Monsiers; Allomodischer DefensionSpiegel; Winter Alla modo Meßieur // Deutsche illustrierte Flugblätter XVI-XVII Jh. Bd. 1. № 119-127.

³⁴ Подробная библиография дана: *Coupe W.A.* Broadsheets of the "Alamodezeit" // German Life and Letters XIX. 1961. P. 282-292; *Schramm F.* Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, 1914.

³⁵ *Schramm F.* Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, 1914. S.16.

³⁶ *Grimmelshausen H.J.Ch.* Der Teutsche Michel. Frankfurt am Main, 1673. S. 63; *Harsdörffer G.Ph.* Nathan und Jotham. Nürnberg, 1651. S. 294.

³⁷ *Logau F.* Op. cit. S. 28.

Так подчинись во всем дурацкой новой моде
Иль будешь высмеян при всем честном народе!³⁸

Особенно настойчиво связь между господством новой моды и неминуемым упадком немецких княжеств проводил популярный в то время сатирик Иоганн Мошерош. В своем знаменитом плутовском романе «Приключения Филандера фон Зиттенвальда» он писал: «Алямомдство меня пугает тем, / Что отсюда, в жажде нового, / Берет свое начало упадок Германии. / То, что хочет быть показушным, / обязательно должно быть à la mode. / Разве мы не жалкий народ? / Алямомдство ведет нас только / К чужому господству и игу. / Это звучит отвратительно, / Но это правда. / И опять возвращаемся к началу: / Что конец немцев / Берет свое начало / В жажде нового»³⁹.

Критика «алямомдства» была одним из основных направлений работы патриотически настроенных публицистов немецких княжеств. В борьбе с ним они использовали самые разные варианты злой сатиры, включая довольно рискованные шутки: «Ева, наша прама́терь, своим поведением à la mode, своим желанием новизны, попробовала à la mode кое-что новенькое»⁴⁰. Популярным стало приписывать французскому влиянию антихристианский характер: «Не расставайтесь с пьянством! Не расставайтесь с пьянством! Немцы, продолжайте пьянствовать! / Только мода, только мода утащит вас к черту»⁴¹. Связь французского влияния с чертовщиной вела к демонизации французов; немецкие авторы уподобляли их библейским «злодеям, которые пожирают мой (немецкий. – А.Л.) народ»⁴². Благодаря такой дегуманизации врага, когда француз воспринимался как олицетворение всего подлого и кровавого⁴³, немецкие публицисты создавали «законные» условия для борьбы с ним. Антихристианскую сущность французов доказывало и такое очевидное злодеяние, как заключение Францией союза с Османской империей: «И это ни для кого не секрет, что турок не сам по себе, а только взбудораженный французами замышляет казни. Он используется ими как средство против Германии»⁴⁴.

³⁸ *Абшац Г.* Предостережение к Германии // Европейская поэзия XVII века. С. 292.

³⁹ *Moscherosch J.M.* Wunderbare Satyrische gesichte verteußt durch Philander von Sittewald. Straßburg, 1640. S. 15-16.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *Logau F.* Op. cit. S. 45

⁴² Trewhertzige und wolgemeinte Ermahnung. S. 1. Psalm. 53.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. S. 17. Подробнее о связи французов с турками см.: *Schillinger J.* Franzosen und Türken // Wahrnehmungsgeschichte. S. 172.

Этот мотив имел ярко выраженную эмоциональную окраску, потому что связь с Турцией – «главным врагом христиан» – сама по себе дискредитировала французов. Немецкие авторы памфлетов подчеркивали, что французы своими действиями нарушают божественный миропорядок, за что их в будущем ждет Божья кара: «Бог создал границы между народами, плохо, если начинается война и устанавливаются чужие порядки. Так было с царем Ассирии: он думал, что, обладая огромной силой, сам может делить народы и давать им законы по собственному усмотрению. Бог разгневался на него и уничтожил его империю»⁴⁵.

Себя немецкие интеллектуалы считали орудием божественной справедливости. Они развивали мессианскую идею о том, что на долю немцев выпала миссия остановить порок: «Пусть мы сохраним в следующих веках праведные немецкие сердца. Мы должны остановить тех, кто хочет уничтожить немецкую свободу, тех, чей аппетит не удовлетворить»⁴⁶.

С продвижением французских армий вглубь немецких земель и оккупацией отдельных регионов Центральной, Восточной и Южной Германии связан и еще один из важнейших сюжетов истории немецкой культуры XVII в. – появление норм немецкого литературного языка. Борьба против французской порочности, укоренявшейся, по мнению немецких интеллектуалов, с вторжением французов в Германию, нашла свое самое яркое воплощение в «битве за язык», то есть в стремлении очистить немецкий язык от многочисленных французских заимствований. Как заметил один из крупнейших литераторов эпохи Тридцатилетней войны Иоганн Клай, «с войной к нам стали проникать чужие слова, такие как *marchiren* вместо шагать, *bataille* вместо битвы. Разве это не всеобщий позор, что мы должны учиться и перенимать слова у иностранцев?»⁴⁷ На самом деле, еще до войны и задолго до появления французских солдат в германских землях здесь имела место специфическая языковая ситуация. Норм литературного немецкого языка еще не существовало⁴⁸. Стремясь приобрести хорошие манеры, немецкие дворяне уезжали учиться во Францию,

⁴⁵ Der Teutschen Planet. S. 21. Курсив мой. – *А.Л.*

⁴⁶ Abtruck Schreibens...

⁴⁷ Klay J. Op. cit. S. 24.

⁴⁸ Ahlweiz C. Muttersprache-Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994. S. 49; Polenz P., von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 2. Berlin, 2013. S. 71.

однако, с горечью замечал Гриммельсгаузен, «возвращались, не говоря ни по-французски, ни по-немецки»⁴⁹. Однако, несмотря на столь давнюю тягу к Франции, лишь с конца 1630-х гг. стремление соответствовать канонам ее придворной моды и употребление французских слов в речи вызвали шквал негодования у немецких публицистов.

Противодействие французскому влиянию и борьба за очищение языка от французских заимствований привели к появлению «языковых обществ» культурно-просветительских организаций, ставивших себе целью развитие норм литературного языка⁵⁰. Любовь и уважение литераторов эпохи Тридцатилетней войны к родному языку дало право позднейшим исследователям называть членов языковых обществ «патриотами языка»⁵¹. Первым таким объединением в германских землях стало «Плодоносящее общество», основанное в 1617 г. князем Людвигом Ангальт-Кеттенским. Однако в первые годы Тридцатилетней войны туда вступило всего лишь 250 человек⁵², зато в 1635–1648 гг. свыше 300⁵³. Особенно активный приток новых членов наблюдался в начале 1640-х гг., что, безусловно, было связано с усилением французского присутствия в немецких княжествах. В одном только 1642 г. после захвата франко-шведской армией Лейпцига, в общество вступило 36 человек. Членов общества беспокоило французское влияние и засилье в немецком языке французских и других иностранных слов⁵⁴.

После 1635 г. в Германии возникло еще четыре таких же общества⁵⁵. Наиболее показательны с точки зрения влияния француз-

⁴⁹ *Grimmelshausen H.J. Ch. Op. cit. S. 15.*

⁵⁰ Подробнее о языковых обществах в Германии см.: *Володарский В.М.* Культура Германии в XVII веке // История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке. СПб., 2017. С. 303-304; *Ball G.* Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe. Leiden 2008, Vol. II. P. 389–422; *Fruchtbringende Gesellschaft. Der Fruchtbringenden Gesellschaft geöffneter Erzschein. Das Köthener Gesellschaftsbuch Fürst Ludwigs I. von Anhalt-Köthen 1617-1650. 3 Bde. Leipzig, 1985.*

⁵¹ Этот термин встречается во многих работах, посвященных становлению норм литературного немецкого языка и роли литераторов в этом процессе.

⁵² Подсчет данных осуществлен с помощью базы «Плодоносящее общество. Немецкая академия XVII в.», подготовленной библиотекой герцога Августа в Вольфенбюттеле. URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/index.php?category_id=4&article_id=16 (дата обращения 02.02.2018).

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ Подробнее см.: *Die Deutsche Akademie des 17. Jh. Fruchtbringende Gesellschaft. Bd. 6. 1641-1643. Berlin, 2013.*

⁵⁵ *Володарский В.М.* Указ. соч. С. 303-304.

ской оккупации на появление языковых обществ в Германии появление в 1644 г. «Пегницкого цветочного и пастушьего ордена», созданного в Нюрнберге двумя известными литераторами Георгом Филиппом Гарсдёрффером и Иоганном Клайем. Расположенный на юге Нюрнберг находился в 1640-х гг. в стратегической зоне интересов французов, которые стремились создать плацдармы в южнонемецких землях для вторжения в Австрию⁵⁶. Французская армия Гебриана, отошедшая в 1643 г. на зимние квартиры в Баден и оккупировавшая часть Вюртемберга, создавала угрозу дальнейшего продвижения в Баварию, на пути в которую лежал Нюрнберг. Именно нюрнбержцы развернули в 1640-е гг. наиболее активную борьбу с французским языком и заимствованиями из него.

Свою работу по созданию позитивного образа немецкого языка интеллектуалы начали с противопоставления родного языка французскому. «У них даже слово «poisson» (рыба) созвучно с «poison» (яд)», – насмешливо замечали памфлетисты⁵⁷. В начале 1640-х гг. в немецкой публицистике, высмеивавшей французские заимствования, появляется один из ключевых национальных символов немецкой истории – Немецкий Михель⁵⁸. Он олицетворял собой древние германские традиции, высмеивал тех, кто отказывался от родного языка, а вместе с ним и от своей самобытности: «Я – Немецкий Михель – ничего не понимаю. В своем Отечестве. Это позор. Каждый портной, увы, хочет познать языки и говорит на латыни, итальянском и французском. Ну и глупец, суший шельмец»⁵⁹. На иллюстрации к этой листовке 1642 г. изображен «франт», нацепивший на себя костюмы всех народов, за которыми невозможно понять, немец ли он вообще⁶⁰. В 1648 г. к тексту 1642 г. были

⁵⁶ Niklaus S. Op. cit. S. 120.

⁵⁷ Abtruck Schreibens...

⁵⁸ Подробнее см.: Медяков А.С. Михель против казака: русско-германские отношения в открытках Первой мировой войны // История. Электронный научно-образовательный журнал. № 3 (26). 2014. URL: <https://history.jes.su/s207987840000734-6-2> (дата обращения 02.02.2018).

⁵⁹ Ein schön new Lied / genannt Der Teutsche Michel / etc. 1642. BSB. Einbl. II, 18 t. URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00031778/image_1 (дата обращения 02.02.2018).

⁶⁰ Ein schön new Lied... Профессор Тринити-колледжа Эда Сагарра, описывая традицию изображения Немецкого Михеля, полагает, что на листовке 1642 г. появляется первый образ Михеля, однако это утверждение достаточно спорно. Иконографически этот образ повторяет листовки с изображением новых модников рубежа 1620-1630-х гг., а также вписывается в традицию визуального высмеивания моды, начавшуюся на рубеже 1630-1640-х. Вероятно, на листовке изображен один из шеголей. Ср.: Sagarra E. The strange history of der deutsche Michel URL: <http://www.gfl-journal.de/1-2000/sagarra.html> (дата обращения 02.02.2018).

добавлены ноты и расписаны партитуры. В предисловии к музыкальному сочинению сказано, что «старый Немецкий Михель выступает с жалобной песнью, которая должна показать весь ужас пренебрежения родной речью»⁶¹. Далее в порче немецкого языка открыто обвинялись французы: «Убирайся домой, длинноносый петух, со своими ленивыми крыльями. Если ты этого не сделаешь, ты поломаешь себе ноги»⁶².

Оккупация французскими войсками немецких княжеств в конце 1630-х гг. дала мощный импульс формулированию немецкими интеллектуалами основных положений национальной идеи, которые будут развиты в последующие эпохи. В теории национализма принято считать, что нации приходят к осознанию своего собственного существования, к самосознанию, только через столкновение с другими. Под влиянием французской экспансии в сочинениях литераторов появился характерный образ внешнего врага, родившийся в процессе четкого деления мира на «своих» и «чужих». Благодаря такому противопоставлению публицисты периода Тридцатилетней войны, с одной стороны, четче сформулировали свои представления о немцах, с другой – создали образ француза, ставший в дальнейшем расхожим стереотипом. Под влиянием специфических контактов с французами в условиях военной оккупации немецкие публицисты акцентировали различия двух культур. Отвергая все французское как «порочное», немецкие авторы проводили мысль о «чистоте» самих немцев. Эта идея служила консолидации немецкого общества. Французская оккупация стала таким образом своеобразным катализатором процесса формирования немецкого национального самосознания, а деятельность интеллектуалов эпохи Тридцатилетней войны – важным этапом в развитии немецкого национализма, лелеявшего представление о том, что Германия окружена большим враждебным миром, способным лишь «ругаться по-французски»⁶³.

Список литературы

Абшцц Г. Предостережение к Германии / Пер. Л. Гинзбурга // Европейская поэзия XVII века. М.: Художественная литература, 1977. С. 274. [Abshatz G. Predosterezhniye k Germanii / Per. L. Ginzburga //

⁶¹ *Teutschen-Holdt M. Wehe-Klag, Deß alten Teutschen Michels, Vber die Allomodische Sprachverderber.* BSB. Mus.pr. 87.90. S. 2.

⁶² *Ibid.* S. 3.

⁶³ *Grimmelshausen H. J.Ch.* Op. cit. S. 22.

- Yevropeyskaya poeziya XVII veka. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. S. 274].
- Володарский В.М.* Культура Германии в XVII веке // История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке / Под ред. Л.М. Брагиной. СПб.: Наука, 2017. С. 295–327. [Volodarskiy V.M. Kul'tura Germanii v XVII veke // Istoriya kul'tury stran Zapadnoy i Tsentral'noy Yevropy v XVII veke / Pod red. L.M. Braginoy. SPb.: Nauka, 2017. S. 295–327].
- Лазарева А.В.* «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) в немецкой публицистике XVII века // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2014. № 1. С. 36–80. [Lazareva A.V. «Doch' grekha»: obraz Tridtsatiletney voyny (1618–1648 gg.) v nemetskoj publitsistike XVII veka // Istoricheskiye Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU. 2014, № 1. S. 36–80].
- Лазарева А.В.* Немецкие иллюстрированные листовки Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.): Образ солдата-наемника // Источниковедческие исследования. 2006. № 3. С. 82–113. [Lazareva A.V. Nemetskiye illyustrirovannyye listovki Tridtsatiletney voyny (1618–1648 gg.): Obraz soldata-nayemnika // Istochnikovedcheskiye issledovaniya. 2006. № 3. S. 82–113].
- Медяков А.С.* Михель против казака: русско-германские отношения в открытках Первой мировой войны // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2014. № 3 (26). <https://history.jes.su/s207987840000734-6-2> [Medyakov A.S. Mikhel' protiv kazaka: russko-germanskiye otnosheniya v otkrytkakh Pervoy mirovoy voyny // Istoriya. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2014, № 3 (26)].
- Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. В 4-х т. Т. 2. СПб.: Академия моды, 2001. [Mertsalova M.N. Kostyum raznykh vremen i narodov. V 4 t. T. 2. SPb.: Akademiya mody, 2001].
- Опиц М.* Жалоба / Пер. Л. Гинзбурга // Европейская поэзия XVII века. М.: Художественная литература, 1977. С. 192. [Opitz M. Zhaloba // Yevropeyskaya poeziya XVII veka / Per. L.Ginzburga. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. S.192].
- Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. [Porshnev B.F. Tridtsatiletnyaya voyna i vstupleniye v neye Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1976].

- Abdruck Schreibens von einem fürnemen Officier under der von Hertzog Bernhardt Sachsen-Weinmar hinderlaßnen Armee, wegen Einnemmung frantzösischer Guarnison in Breysach an einen vertrauten Brudern abgangen. 1639 // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, № 5641.
- Ahlzweig C.* Muttersprache-Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994.
- Alexander D.* The German Single-Leaf Woodcut, 1600–1700. N.-Y.: Abaris Books, 1977.
- Ball G.* Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe. Ed. by A. van Dixhoorn and S. Speakman Sutch. Vol. 2. Leiden: Brill, 2008. P. 389–422.
- Bosbach F.* Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV // Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Hg. von Franz Bosbach. Köln u. a.: Böhlau, 1992. S. 117–139.
- Coupe W.A.* Broadsheets of the “Alamodezeit” // German Life and Letters XIX, Oxford: Wiley-Blackwell, 1961. P. 282–292.
- Der Teutschen Planet. 1639 // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, № 5638.
- Der zornige Frantzösische Schneider. 1631. Bayarische Staatsbibliothek München. Einbl. V,8 a-39.
- Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII Jh. Hg. von W. Harms. Bd. 1. Tübingen: Niemeyer, 1980.
- Die Deutsche Akademie des 17. Jh. Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen: Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Bd. 6. 1641–1643 / Hg. von Klaus Connermann. Berlin: De Gruyter, 2013.
- Ein schön new Lied / genannt Der Teutsche Michel / etc. Wider alle Sprachverderber welche die alte teuotsche Muttersprach mit allerley frembden vnd Frantzösischen Wörtern. 1642. Bayarische Staatsbibliothek München. Einbl. II, 18 t.
- Fruchtbringende Gesellschaft. Der Fruchtbringenden Gesellschaft geöffneter Erzscrein. Das Köthener Gesellschaftsbuch Fürst Ludwigs I. von Anhalt-Köthen 1617–1650 / Hrsg. v. Klaus Connermann. 3 Bde. Weinheim u.a.: VCH, 1985.

- Friedensvertrag zwischen dem Kaiser (Ferdinand II) und Kursachsen (Johann Georg I); Prag, 20./30. Mai 1635 // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Band 4. Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg. 1555–1648 / Hg. von Bernd Roeck. Stuttgart: Reclam, 1996.
- Garber K.* Zur Konstruktion der europäischen Nationalliteraturen. Implikationen und Perspektiven // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit / Hg. von Klaus Garber, Tübingen: Niemeyer, 1989. S. 15–70.
- Graul U.* Frau Hoeffart & Monsieur Alamode: Modekritik auf illustrierten Flugblättern des 16. und 17. Ausstellung vom 21. Juni bis 19. Juli 1998. Halle: Staatliche Galerie Moritzburg Halle, 1998.
- Grimmelshausen H.J.Ch.* Der Teutsche Michel. Frankfurt am Main, 1673.
- Hagemann K.* Aus Liebe zum Vaterland. Liebe und Hass im frühen deutschen Nationalismus: Franzosenhass // Gefühl und Kalkül. Der Einfluss von Emotionen auf die Politik des 19. und 20. Jahrhunderts. Hg. von Birgit Aschmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. S. 101–123.
- Harms W., Schilling M.* Das illustrierte Flugblatt in der Kultur der Neuzeit. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1998.
- Harsdörffer G.Ph.* Nathan und Jotham. Nürnberg, 1651.
- Janssen W.* Krieg // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hrsg. von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck. 8 Bände in 9. Bd. 3. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997. S. 567–615.
- Jeismann M.* Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992.
- Kampmann Ch.* Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart: Kohlhammer, 2008.
- Klaj J.* Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1645.
- Langer H.* Hortus bellicus. Der Dreissigjähriege Krieg. Eine Kulturgeschichte. Gütersloh: Prisma-Verl, 1982.
- Logau F.* Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw: Kloßmann, 1654.
- Moscherosch J.M.* Wunderbahre Satyrische gesichte verteutscht durch Philander von Sittewald. Straßburg, 1640.

- Niklaus S.* Der Frühjahrsfeldzug 1645 in Süddeutschland. // Jahrbuch für Württembergisch-Franken, 60, 1976. S. 121–180.
- Pfeffer M.* Flugschriften zum Dreissigjährigen Krieg. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1993.
- Polenz P., von.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 2. Berlin: De Gruyter, 2013.
- Reppen K.* Über die Geschichtsschreibung des Dreissigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Krieg und Politik 1618–1648. Hg. von Konrad Reppen. München, 1988. S. 1–84.
- Sagarra E.* The strange history of der deutsche Michel / <http://www.gfljournal.de/1-2000/sagarra.html>.
- Schilling M.* Allegorie und Satire auf illustrierten Flugblättern des Barock // Formen und Funktionen der Allegorie. Stuttgart: Metzler, 1979. S. 405–418.
- Schilling M.* Bildpublizistik der frühen Neuzeit. Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen: Niemeyer, 2012.
- Schillinger J.* Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Berne u.a.: Lang, 1999.
- Schillinger J.* Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des 17. Jahrhunderts // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Wolfgang Harms et Alfred Messerli. Basel: Schwabe, 2002. S. 169–187.
- Schramm F.* Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg: Trübner, 1914.
- Stein W.H.* Richelieu unter den Komödianten. Zur Darstellung Frankreichs in der deutschen Flugblattliteratur des Dreißigjährigen Krieges // Deutschland und Frankreich in der frühen Neuzeit. Hg. von Heinz Duchhardt und Eberhardt Schmitt. München: Oldenbourg, 1987. S. 259–291.
- Schwedische Rettung der Christlichen Kirchen. 1631. Bayarische Staatsbibliothek München. Einbl. V, 8 a-38.
- Teutschen-Holdt, Michael.* Wehe-Klag, Deß alten Teutschen Michels, Vber die Allomodische Sprachverderber. BSB. Mus.pr. 87.90.
- Trewhertzige und wolgemeinte Ermahnung. 1639. // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, № 5645.
- Tschopp S.S.* Heilsgeschichtliche Deutungsmuster in der Publizistik des Dreißigjährigen Krieges: pro- und antischwedische Propaganda in Deutschland 1628 bis 1635. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1991.
- Würgler A.* Medien in der Frühen Neuzeit. München: Oldenbourg, 2013.

Arina V. Lazareva

**THE STRUGGLE OF GERMAN INTELLECTUALS AGAINST
FRENCH INFLUENCE (1635–1648)**

The Thirty Years' War exerted a great influence over German territorial principalities of the Holy Roman Empire during the 17th century. This is particularly true for development of the German national idea. The Germans met a lot of strangers, such as Spaniards, Danes, Swedes, who came with foreign armies during the War. French contact was the most important. The French invasion began only at the end of the War. Nevertheless, German social and political journalism accused France of warmongering. Since 1635 a hostile image of Frenchman has begun to appear on the pages of German reading materials. He destroyed German traditions, culture and moral values. At a time when France occupied territorials in South, Central and Eastern Germany typical stereotypes of German national thought were born for the next centuries. It was the result of «us versus them» concept.

Keywords: The Thirty Years' War, fashion, native language, hostile image, nationalism